

УДК 821.161.1.0

ЦЕННОСТЬ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Кошечко А.Н.

ФБГОУ ВПО «Томский государственный педагогический университет», Томск, Россия (634050, Томск, ул. Киевская, 60), ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» Томск, Россия (634050, Томск, пр. Ленина, 49), ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск, Россия (634050, г. Томск, пр. Ленина, 30) e-mail: Nastyk78@mail.ru

Статья посвящена анализу аксиологического содержания экзистенциального сознания Ф.М. Достоевского. Экзистенциальное сознание – метакатегория, реализующая себя в различных формах художественного письма как способах объективации в слове, самоописания и самоструктурирования. Ведущую роль в структуре экзистенциального сознания Достоевского занимает аксиологическая доминанта, позволяющая редуцировать разрыв между теоретически-абстрактным определением понятия и областью его практического самоосуществления в творчестве конкретного автора. Для Достоевского ценности – это не специфически социальное явление, а уровень духовной организации личности. Аксиологическая система экзистенциального сознания писателя обусловлена спецификой его личности: экзистенциальным мировидением, предельным ощущением «пограничной ситуации» пореформенной эпохи и бытия вообще, особым отношением к ценностям православной культуры, ценностной парадигме русской литературной традиции.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, экзистенциальное сознание, истина, ценности, номолого-аксиологический подход, рефлексия, идея, слово, автор, контекст, феномен.

VALUE AS BACKBONE CATEGORY OF EXISTENTIAL CONSCIOUSNESS OF F.M. DOSTOEVSKY

Koshechko A.N.

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Kievskaya Str., 60), National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin Avenue, 49), National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia (634050, Tomsk, Lenin Avenue, 30) e-mail: Nastyk78@mail.ru

Article is devoted to the analysis of the axiological content of existential consciousness of F.M. Dostoyevsky. Existential consciousness – the metacategory realizing in various forms of the art letter as ways of an objectivization in the word, self-descriptions and self-structuring. The leading role in structure of existential consciousness of Dostoyevsky is occupied by the axiological dominant, allowing to reduce a gap between theoretical and abstract definition of concept and area of its practical self-implementation in creativity of the specific author. For Dostoyevsky values is not specifically social phenomenon, and level of the spiritual organization of the personality. The axiological system of existential consciousness of the writer is caused by specifics of his personality: existential outlook, limit feeling of «frontier situation» of a post-reform era and life in general, special relation to values of orthodox culture, valuable paradigm of the Russian literary tradition.

Keywords: F.M. Dostoyevsky, existential consciousness, truth, values, nomologo-axiological approach, reflection, idea, word, author, context, phenomenon.

Экзистенциальное сознание, как и любой другой тип сознания, имеет собственное представление о добродетелях и пороках, причем решение этого вопроса имеет личностно-мировоззренческую и национальную специфику: «В коллективной психике специфические добродетели и пороки людей содержатся точно так же, как и все другое. И вот один засчитывает коллективную добродетель в свою персональную заслугу, а другой коллективный порок в свою личную вину» [10, с. 206].

Индивидуальная писательская практика Достоевского обнаруживает сознательную установку на синтез универсального, национального, духовно-нравственного и социально-

исторического начал бытия. Исключение хотя бы одного компонента неминуемо приводит к колоссальным смысловым потерям, поскольку уничтожает фундамент экзистенции самого писателя и его героев, ориентированных на проживание плюральности бытия как целостности. Достоевский «мыслит характерами мыслителей, то есть участвует сразу в двух процессах: литературном и философском. Связь каждой идеи с характером толкает сделать, в любом поворотном пункте, не один, а несколько выводов. Возникает сразу веер искр-идей (в другой своей ипостаси – горящих идеей людей), и завязывается спор. Это чудо романа Достоевского коренится в чуде его личности, слишком широкой, чтобы втиснуться в любой монолог, слишком калейдоскопичной, чтобы сложиться в логическую систему, – и все же достигающей единства» [9, с. 329].

Ценность сохраняет в сознании историю развития внутреннего мира личности и на основе полученного опыта создает положительные предпосылки для дальнейшего духовного развития и самосовершенствования. Обращаясь к работе с ценностями как фундаментом сознания личности, Достоевский тренирует нравственную интуицию своего читателя, механизмы самоопределения в бытии и персональной ответственности за свою судьбу. Раскрывая перед читателями свой ценностный опыт с помощью различных форм репрезентации экзистенциального сознания, Достоевский предлагает алгоритм действия по освоению ценности, который начинается с понятийного и заканчивается нравственным уровнем. Отвечая на вопросы («Что значит для меня, внутреннего мира моей личности данное понятие? Какие события провоцируют его актуализацию? Что и каким образом это понятие помогает мне осмыслить? Существует ли разница в понимании этого понятия мною и другими людьми?»), читатель Достоевского оказывается перед необходимостью оценки для себя лично того содержания, о котором говорит писатель, и диалогизировать с ним о разнице в интерпретации смыслов.

Для Достоевского ценности – это не специфически социальное явление, а уровень духовной организации личности. Аксиологическая система экзистенциального сознания совершенно особая, а в случае писателя – обусловленная спецификой личности: экзистенциальным мировидением, предельным ощущением «пограничности» пореформенной эпохи и бытия вообще, особым отношением к ценностям православной культуры, ценностной парадигме русской литературной традиции.

Ценности определяют величину индивидуальных различий Достоевского, указывая в бесконечном многообразии различных черт на существенное и уникальное именно для его писательского мирообраза. Ценность осуществляет преобразующую миссию и по отношению к автору, и по отношению к его реципиентам (читателям, критикам, исследователям): «Вопрос о ценностях – это вопрос о том, что мы делаем, к чему стремимся,

как должны себя вести. Поэтому он ставится человеком и для человека; это вопрос о компасе, которым мы должны руководствоваться, отыскивая свой путь в жизни. Этот компас в разных религиях и мировоззрениях получал разные названия: счастье, воля Божья, смысл и др. Различие названий говорит об очень глубоких различиях в структуре сознания человеческих групп, называвших свои компасы такими именами» [1, с. 326]. Корпус ценностей у Достоевского определяет логику духовного пути личности, исходной точкой которого является выбор «мир с Богом» и ли «мир без Бога».

Этой ценностной ориентацией на два разных типа духовности, имеющих «свои собственные, далеко не совпадающие представления о "должном" и "недолжном", разные аксиологические акценты» [5, с. 13], и определяется фундаментальная разница между **экзистенциальным** сознанием Достоевского и **экзистенциалистским** типом сознания, репрезентантами которого являются представители западноевропейского экзистенциализма. Названный нами выше критерий разграничения экзистенциального и экзистенциалистского типа сознаний может считаться универсальным, поскольку опирается на мировоззренческую позицию личности, ее представления о смысле жизни, о высших мотивациях экзистенции. Аксиологическая специфика экзистенциального сознания Достоевского определяется его сконцентрированностью на индивидуальном, уникальном, личностном. Для него не существует абстрактной духовности и абстрактной религиозности: вера – это всегда убежденность в определенных позициях, которые определяют аксиологические установки личности, лежат в основе ее поступков, отношения к миру и самооценки.

В произведениях Достоевского мы встречаемся одновременно и с атеистическим вариантом духовности («мир без Бога»), и с религиозным («мир с Богом»), которые в логике размышлений писателя о сверхмотивациях человеческого существования предстают как равнозначные объекты ценностного эксперимента, приводящие личность к диаметрально противоположным мировоззренческим позициям и, как следствие, к разным способам и результатам проживания собственной жизни.

В «мире без Бога» разрушительный потенциал своеволия принуждает человека утверждать свою свободу любыми способами, потому что абсурд не оставляет ему другого пути для осуществления собственной экзистенции. Как замечает подпольный парадоксалист по этому поводу, «человек, всегда и везде, кто бы он ни был, *любил действовать так, как хотел* (здесь и далее в цитате курсив мой – А.К.), а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода; хотеть же можно и против собственной выгоды, а иногда и положительно должно (это уж моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, – вот это-то всё и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую

классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту. И с чего это взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что человеку надо непременно благоразумно выгодного хотенья? Человеку надо – одного только *самостоятельного хотенья*, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела»¹ (т. 5, с. 113).

Индивидуализм, своеволие, то есть утверждение своего «я» вне зависимости от духовно-нравственных критериев, приводящее к утрате веры в Бога и к самоуничтожению человека, является для Достоевского конкретным проявлением метафизического зла в современной жизни.

В произведениях Достоевского сознание героев, ориентированных на атеистическую духовность, не лишается аксиологии, поскольку специфическая и релевантная каждому конкретному типу сознания система ценностей является необходимым компонентом его структуры [6]. В атеистической версии западноевропейского экзистенциализма XX века категориальные различия между добром и злом, лежащие в основе аксиологической парадигмы сознания, снимаются, все переносится исключительно в сферу опыта человека и его субъективных оценок себя и реальности: сама по себе природа, рассматриваемая вне деятельности человека, не обладает никакими ценностями, в ней нет ни добра, ни зла. При такой исходной установке достоинство каждого поступка оценивается субъективно, в связи с индивидуальной практикой существования человека.

Религиозный (православный в случае Достоевского) тип духовности является для писателя выражением традиционных ценностей русского национального сознания, квинтэссенцией духовного опыта народа, определяет систему культурных матриц и сценариев существования человека: «Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать» (т. 10, с. 199).

Экзистенциальное сознание Достоевского неразрывно связано с русской православной культурой, поэтому в основе структуры сознания лежит мощнейший религиозный компонент; экзистенциалистское сознание ориентируется на атеистический тип культуры, модифицируясь в соответствие с ее национальной принадлежностью. Важно отметить, что понимание нами духовности и соответствующей ей аксиологии связано не с общекультурными наблюдениями, а, в первую очередь, с исследованием проявления

---

¹Ссылки на тексты Ф.М. Достоевского даются в круглых скобках с указанием тома и страницы по изданию [4].

структур экзистенциального сознания на уровне формально-содержательной организации текстов. Русская культура в своей ментальности основывается на тяготении к духовному полю. Ее корневая система вырастает из византийского поля православной кирилло-мефодиевской традиции [7]. В самых критических ситуациях русский народ сумел сохранить христианское мироощущение и развить его до христианского мировоззрения, пройдя многовековой путь внутреннего созерцания, самоуглубления, самоанализа, размышления о бытии. Православная аксиология – это «исходный код» русской культуры, который в качестве системообразующего фундамента сознания использует Достоевский: «Попытки Достоевского связать гуманистический общественный идеал с личностным совершенствованием противоречивы. Его этика зиждется не на познании законов действительности и не на ориентировании нравственного суждения на них, а на воле к утверждению абсолюта» [2, с. 85].

В случае Достоевского религиозная (православная) составляющая сознания играет важную роль, организует ценностный мир личности самого писателя и его произведений. Идея западноевропейского экзистенциализма о смерти Бога не может быть совместима с миром Достоевского даже в случае изображения им трагичности человеческого существования и абсурдности бытия, поскольку неверие однозначно трактуется им как безумие². Полное отрицание в личном и творческом универсуме Достоевского всегда выстраивается на оси координат относительно ценностной вертикали, вершиной которой является Бог.

Ценностная система экзистенциального сознания Достоевского амбивалентна и может выстраиваться по-разному как для него самого (если опираться на религиозную доминанту его сознания – один вариант, если учитывать его самоидентификацию «дитя неверия и сомнения» – другой), так и для его героев (индивидуальная версия аксиологии подпольного парадоксалиста, Алеши, Ивана, Мити, Макара Долгорукого, Петра Верховенского, Ставрогина, Раскольникова, Сони, Мармеладова, князя Мышкина, Рогожина и др.)³. Эта идея может в перспективе составить основу качественно нового подхода к группировке и классификации персонажей, новой версии интерпретации характерологических стратегий Достоевского-писателя, поскольку специфика построения системы духовных императивов

---

² Ср. Псалом 52: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог, растлеша и омерзишася в беззакониих, несть творяй благое».

³ Например, в подготовительных материалах к роману «Подросток» автор вкладывает в уста своего героя следующие слова: «признаю Христа лишь как деятеля [и больше никак, только]» (т. 17, с. 78). Позднее сам герой-подросток с его подвижным пониманием бытия откажется от этих слов, назовет их неискренними. Но для самого Достоевского Христос – это Абсолют, хотя он и допускает, что другие могут относиться к этому Абсолюту по-разному, принимать его путь или не принимать. Допуская возможность существования альтернативных своему ценностных суждений, Достоевский, тем не менее, не может принять неуважение к Христу как личности.

выполняет важнейшую роль в ценностном самоопределении личности автора, его героев, читателя и исследователя. Подобная многоплановость объясняется тем, что высший идеал, воплотившийся в личности Христа, не может быть окончательно реализован, потому что «на земле» человек находится «в состоянии переходном»: «Это будет, но будет после достижения цели, когда человек переродится по законам природы окончательно в другую натуру, которая не женится и не посягает <...> Сам Христос проповедовал свое учение только как идеал, сам предрек, что до конца мира будет борьба и развитие (учение о мече), ибо это закон природы, потому что на земле жизнь развивающаяся, а там – бытие, полное синтетически, вечно наслаждающееся и наполненное, для которого, стало быть, "времени больше не будет"» [3, с. 174]. Иерархизированная система экзистенциального сознания Достоевского становится почвой для решения нравственных проблем и принятия определенных высших ценностей.

В текстах Достоевского представлена реализация этической метапрограммы автора, ведущую роль в которой, как нам представляется, играет процесс выработки, осмысления и освоения ценностей и их закрепление в системе духовных императивов, имеющей четкую иерархическую структуру: истинность каждого суждения проверяется Истиною высшего уровня.

Мы не найдем эстетических манифестов и произведений Достоевского, в которых его аксиологическая позиция предстала бы в универсально-философском, законченно-системном выражении. Его ценностно-мировоззренческая система воплощается в непревзойденных по силе и драматизму художественных образах, которые провоцируют самостоятельную работу аксиологических механизмов сознания читателя в поиске ответов на фундаментальные вопросы человеческого существования. Основанием экзистенциального сознания служит уникальная антропология Достоевского, которую он системно воплощает в своем творчестве через принципы характерологии, актуализирующие духовно-нравственные императивы личности. Именно такая ценностная парадигма текстов выводит человека на путь нравственного самосовершенствования, который в итоге приведет его к духовному и физическому перерождению.

Сложность ценностного самоопределения для экзистенциальной личности писателя и его героев заключается в том, что в незавершенном по определению невозможно выделение каких-либо закономерностей: «Видимо, нельзя говорить о знании, если все вещи меняются и ничто не остается на месте» [8, с. 439–440]. Его обращение духовным императивам русской культуры происходит в пореформенную эпоху, одну из самых «роковых минут» отечественной истории, когда привычные, веками устоявшиеся ценностные орбиты смещены

или разрушены, когда мир находится в ситуации постоянного, не поддающегося созерцанию и рефлексии движению, и духовный, нравственный вектор этого движения не определен.

Общество нуждается в изучении, нужно выделять закономерности и верифицировать получаемое знание, в котором для Достоевского приоритетное положение занимают ценностные параметры, а не социальные и экономические. Писателю, находящемуся в «эпицентре трагедии» своей эпохи и пытающемуся смотреть на происходящие события глазами непосредственных участников и понимать их мотивы и ценности, далеко не всегда удается дифференцировать собственную оценку изучаемых явлений и оценивающую позицию современников, эмпирически исследуемых им людей. Это происходит не только потому, что Достоевский сам является непосредственным и активным участником событий, но и потому, что его задачей является осмысление и описание одного из сложнейших периодов русской истории, событий, которые происходят здесь и сейчас, и не образовалась достаточная временная и смысловая дистанция, чтобы происходящее «отстоялось», приобрело отчетливые формы. Обе ипостаси экзистенциального сознания Достоевского нацелены на решение этих задач: повседневно-экзистенциальное сознание ориентировано на собственное, непосредственно-личное проживание событий и их оценку, художественная ипостась экзистенциального сознания выводит универсальные закономерности эпохи, дает смысловое и символическое обобщение, учитывая повседневный субъективный опыт отдельных участников событий и русской нации в целом. Если в первом случае оценки могут быть частными и субъективными, «выжитыми» в ограниченном опыте одной, отдельно взятой человеческой жизни, то во втором случае уровень частной жизни преодолевается скрупулезными наблюдениями за опытом жизни нескольких поколений (отсюда «методичная» страсть Достоевского к каталогизации происшествий и реальных фактов, зафиксированных в газетных хрониках, публичных заявлениях, современной писателю публицистике). При этом опыт видения непосредственно из самой эпохи дает писателю необходимый инструментарий и словесный арсенал для вербализации этого опыта.

Художественный метод писателя представляет собой результат синтеза номологического и аксиологического способов описания действительности, позволяет описывать «истинно-ценностный дуализм» явлений. Достоевскому нужен «реализм в высшем смысле», нацеленный как метод осмысления реальности не на то, чтобы гипотетически обобщать и приводить в формат однолинейной схемы многомерное сознание человека «пограничной эпохи», до которой в этот период расширяется «пограничная ситуация», вовлекающая в свою орбиту опыт не одного поколения русской нации, а фиксировать индивидуальное, неповторимое, неоднозначное в личности как различные варианты воплощения экзистенциального опыта.

Список литературы

1. Гейзенберг Ф. Философия и физика. – М., 1984.
2. Достоевский // Словарь по этике / Под ред. И.С. Кона. 5-е изд. – М.: «Политиздат», 1983. С. 85.
3. Достоевский Ф.М. Записная книжка (1862–1864) // Литературное наследство. Т. 83. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. – М.: «Наука», 1971. – С. 171–188.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972–1986.
5. Есаулов И.А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Вып. 6. – СПб.: «Алетейя», 2011. – С. 5–23.
6. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символике, языке / Под общей ред. Ю.П. Сенокосова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
7. Пиккио Р. SlaviaOrthodoxa: Литература и язык. – М., 2003. – 703 с.
8. Платон. Кратил // Платон. Сочинения в 4 т. Т. 1. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; «Издательство Олега Абышко», 2006. – С. 421–502.
9. Померанц Г.С. Открытость бездне: Встречи с Достоевским. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 352 с.
10. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: «Канон», 1994. – 320 с.

Рецензенты:

Разумова Н.Е., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск;

Хатямова М.А., д.фил.н., профессор, профессор кафедры литературы историко-филологического факультета ТГПУ, г. Томск.